

Особенности русской философии перед лицом социальных вызовов современности

© А.Г. Спирина

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрены ключевые особенности русской философской мысли XIX–XX вв. Показаны такие черты русской философии, как ее религиозность, склонность к утопичности и к антропологии, а также к рассмотрению вопросов, касающихся поиска места России в мировом сообществе. Продемонстрирована востребованность отмеченных черт в современных политических реалиях России.

Ключевые слова: русская философия, историософия, антропоцентризм, утопичность, теософия.

Особенности русской философии в полной мере раскрываются при рассмотрении ее в тесной связи с русским историческим контекстом. При таком подходе на первый план выходят проблемы, которые еще со времен П.Я. Чаадаева и В.С. Соловьева входили в «русскую идею». Под «русской идеей» понимались глубинные основы, характеризующие нас и отличающие Россию от других стран. Доминирующими были следующие интенции мысли:

- историософичная тема (а уж потом к этой главной теме, по мнению В.К. Кантора, примыкают все остальные);
- антропоцентричность и связанный с ней панморализм;
- отчетливо выраженная склонность к утопичности мышления;
- утверждение религиозно-философской традиции.

Историк русской философской мысли В.В. Зеньковский отмечал, что русская философия не теоцентрична и не космоцентрична, а прежде всего антропоцентрична, историософична и привержена социальной проблематике [1, с. 321]. Эти же особенности русской философской мысли отмечали и такие ее исследователи, как А.И. Введенский, Н.А. Бердяев и другие.

Человечеству русская историософия обязана постановкой проблем, которые стали сквозными в ее развитии. Это прежде всего проблема самоопределения России, понимание ее места «в общем порядке мира» (П.Я. Чаадаев), которая не теряет своей актуальности и в наше время на фоне становления России в новых границах.

Поиск нового исторического и культурного пути России привел к идее ее судьбы, особого предназначения, данного Богом, вере в зна-

чимое всемирно-историческое призвание русского народа, в его неповторимый путь «проводника» в мире истории для других народов. Отсюда и вопрос, поставленный Н.А. Бердяевым: «Что есть Россия, какова ее судьба, что задумал творец о России?» [2, с. 120], т. е. каков ее путь в мире истории — тот же, что у народов Европы, или совсем иной? С этой темы (русского мессионизма, особой миссии России, ее исключительности) началось становление русской философии.

Первым значительным историософичным произведением было «Слово о законе и благодати» (XI в.) митрополита Иллариона. Здесь есть идея имперского величия России, которая укоренилась в менталитете россиян. Исподволь созревая, она привела к появлению в начале XVI в. концепции «Москва — третий Рим», в которой выражена богоизбранность русского народа. Начиная с П.Я. Чаадаева, идея русского мессионизма в полной мере зазвучала у славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, в почвенничестве с его приматом национального над общечеловеческим — у Ф.М. Достоевского. (В дискуссиях по этому вопросу участвовали В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, В.В. Розанов, С.Л. Франк, И.А. Ильин, В.И. Иванов, Л.П. Карсавин и другие.) Сделав эту проблему предметом глубокого исследования, названные философы по большей части не впадали в крайность национализма или отрицания национальной самобытности.

Размышляя о ходе мировой истории и призвания России, В.С. Соловьев предчувствовал надвигающееся светопреставление. В 1897 г. он писал своему другу: «Что-то готовится, „кто-то идет“. Ты догадываешься, что под „кто-то“ я разумею самого Антихриста...»

Трагическое восприятие исторического бытия присуще и К.Н. Леонтьеву. Он первым почувствовал возможный приход Антихриста (за 9 лет до аналогичного вывода В.С. Соловьева): «Россия в новой форме повторяет историю старого Рима. Но разница в том, что под его подданством родился Христос, — под нашим скоро родится Антихрист» [3, с. 507]. Размышляя о ходе мировой истории, о судьбе России, К.Н. Леонтьев и В.С. Соловьев шли разными путями, но их исторические проекты заканчивались одними и теми же выводами: наступает катастрофическая эпоха, апокалипсис, «конец света».

Но были предчувствия надвигающегося светопреставления и в смысле революции. О «бесах» революции писали А.Н. Радищев, Ф.М. Достоевский и философы религиозного ренессанса.

Русская историософия обязана П.Я. Чаадаеву постановкой еще одной темы — «Запад — Восток». «Проблема „Восток и Запад“, — писал Н.А. Бердяев, — в сущности, всегда была основной темой всемирной истории, ее осью» [4, с. 185]. Для России проблема выбора между Западом и Востоком стояла уже в силу ее географического положения. У П.Я. Чаадаева эта проблема приобрела пессимистиче-

скую окраску. Своеобразие России он видел в том, что мы «не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени... мы растем, но не созреваем... Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли...»

Поставленная П.Я. Чаадаевым тема «Запад — Восток» была подхвачена К.Н. Леонтьевым, В.С. Соловьевым, Е.Н. Трубецким, Н.А. Бердяевым, Л.П. Карсавиным, а также евразийством.

К.Н. Леонтьев призывал Россию к сближению с Востоком как к единственному средству приостановить губительное влияние Европы с ее либерализмом и эгалитаризмом. Пошлости европейской цивилизации, ее увяданию он противопоставлял новую славяно-восточную цивилизацию под главенством России [3, с. 216].

В.С. Соловьев в рамках учения о всеединстве призывал к восточно-западному единству. В стихотворении «С Востока свет» он так сформулировал эту тему:

И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.
О, Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?

Е.Н. Трубецкой отмечал в работе «Мирозерцание В.С. Соловьева», что задача России — возвыситься над противоположностью Запада и Востока и явить себя «Третьим Римом», который может примирить в себе два первых.

Н.А. Бердяев был убежден, что Россия — не Запад и не Восток, а Востоко-Запад (без союза «и»), она осуществляет порыв в новое состояние общества, которое должно прийти на смену индивидуализму и социализму

Л.П. Карсавин в 1922 г. в Петрограде выпустил свою работу «Восток, Запад и русская идея». В ноябре этого же года он был выслан из страны. Осужден и умер в лагере у Полярного круга в 1952 г. Когда хоронили философа, на груди его лежали два креста: Восток и Запад для Л.П. Карсавина соединились в единой вере.

Евразийство, возникшее в среде русской эмиграции в 1920–1930-е гг., выступило за отказ от европейской интеграции России в пользу интеграции со странами Азии. Реанимация евразийства произошла в 2000-е гг. Евразийцы относили к ядру Евразии всю Украину и Белоруссию и отмечали как позитивный момент возвращения этих «исконно» евразийских русских земель под власть Москвы [5].

Президент России В.В. Путин еще до событий на Украине (возвращение Крыма) объявил Азию приоритетом на весь XXI в. Исторически Россия то стремилась сблизиться со своими европейскими соседями, то с азиатским миром. Однако ментальной переориентации с Запада на Восток не наблюдается. Нет и ответа на вопрос, какой хочет быть Россия и какая модель развития приведет ее к успеху. Учитывая современные интеграционные тенденции, речь, по видимому, должна идти об участии России в преодолении кризиса мировой цивилизации, ведущей к реальной возможности ее гибели.

В наши дни единство России связывают с русской идеей. Ибо без объединяющей идеи из кризиса не выходила ни одна страна. Идут споры о том, какой она должна быть, какая национальная идея нужна нашему обществу. Выступая на XVIII Всемирном русском народном соборе (ноябрь 2014 г.), патриарх Кирилл сформулировал национальную идею в пяти словах: вера, справедливость, солидарность, достоинство, державность. На том же Русском Соборе лидер КППРФ Г.А. Зюганов произнес: «Держава всегда стояла на четырех столпах: сильная власть, духовность, соборность, справедливость». Четыре позиции у патриарха и Зюганова совпадают. Есть и другие предложения: национальную идею сформулировать так, чтобы она исключала этнические, военные и другие конфликты, улучшала жизнь людей, строила ее на началах «истины, добра, красоты».

А вопрос: «Кто мы и в чем состоит наше призвание?» потерял свою актуальность. Россия стала на путь общечеловеческого развития и готова идти вместе с другими народами в решении глобальных проблем; расставаясь с мессианством, жить по праву и национальному величию (а не исключительности), прежде всего по законам здравого смысла.

Другой важной особенностью русской философии стала антропология — тема о человеке, его судьбе и смысле жизни. Смысл жизни религиозным философам виделся в спасении души на путях религиозно-нравственного возрождения, в приоритете духовных ценностей («подвиг в духе») перед другими. В антропологии отечественной философии зарождается новый взгляд на человека, это связано с тем, что во второй половине XIX в. наметился интерес к истории. Он появился уже у В.С. Соловьева, у которого все бытие «превращается» в историю, а ее субъектом и агентом становятся богочеловечество и отдельный человек. Объект как таковой не существует, он творится, создается. На авансцену, таким образом, выступает софиология, или праксиология у так называемых махистов и не только у них. Так, П.Л. Лавров — представитель иных социально-культурных пристрастий (народничество) — писал о мире как процессе, в котором человек является активным субъектом. Первым вопрос об активности субъекта поставили немцы (И. Кант), но субъект

у них был абстрактен. Русские мыслители исследовали проблему взаимосвязи личностей — действующих, думающих, переживающих (в том числе и неосознанно, что особенно отражено в творчестве Ф.М. Достоевского).

Н.А. Бердяев, последователь В.С. Соловьева, рассматривал зависимость или независимость человека от «социальной почвы». Вывод его сформулирован в том смысле, что индивидуальная жизнь личности может «расцвести», если произойдет «слияние индивидуального с всеобщим и универсальным». Он посвятил многие труды раскрытию смысла жизни и творчества человека, «рождению в человеке Бога».

Цель антропологии Н.А. Бердяев видел в том, чтобы «исследовать человека из человека и в человеке». «Смысл открывался лишь тогда, когда в себе, т. е. в духе, и когда нет для меня объективности, предметности... Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, т. е. в духовном мире». Главная проблема религиозной антропологии Н.А. Бердяева — проблема творчества. Человек не может не творить, иначе он будет бесполезен, не принесет «прибытка» Божеству (творчество как богопознание).

Усиленное внимание к проблеме человека определило нравственный уклон всей русской философии, объясняет доминирование моральных установок при анализе многих других проблем (панморализм). На первом месте у религиозных философов — Бог (идеал, Абсолют), без которого невозможна мораль: «Если Бога нет, то все дозволено», а без морали нет человека. Именно мораль делает человека человеком. Человек, по В.С. Соловьеву, доводит природу, созданную Богом, до одухотворения. Его нравственная активность при этом проявляется в любви к другому человеку, к природе и к Богу. А для существования стабильного общества необходимо постоянное проявление со стороны всех его членов Добра, установления нравственного порядка. В.С. Соловьев считал, что нравственность никогда не была следствием материально-экономических отношений. Этика вполне независима от экономики. Человеческая нравственность имеет христианские начала (так и у Ф.М. Достоевского, и у других религиозных мыслителей), которым должны соответствовать материальные интересы, политические отношения и церковная организация.

В наше время всеобщего морального замешательства, угрозы сползания в сферу агрессии, насилия, жестокости и беззакония современникам было бы неплохо познакомиться со взглядами русских мыслителей на проблему морали.

Еще одной отличительной чертой русской мысли является отчетливо выраженная склонность к утопизму как к мечте о наилучшем устройстве общества, о перспективах его развития. Ранний религиозный утопизм (построение Царства Божьего на земле), утопизм А.Я. Чаадаева, славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова про-

должил М.А. Бакунин. Однако в отличие от предшественников он открыто выводит утопию на политическую арену. Его утопизм носит ярко выраженный революционный характер [6].

Линию революционного утопизма продолжил А.И. Герцен. Позже философ критиковал утопизм, показывал, что он своими корнями уходит в религиозную почву, но от веры в идеальное общество не отказывался. А.И. Герцен возлагал надежды на русскую общину, предвосхищая тем самым утопии народничества.

Опыт двух русских революций — 1905 и 1917 гг. — обнаружил страшные последствия основанной на утопии политической борьбы. Это побудило религиозных философов С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, Г.В. Флоровского, С.Н. Булгакова и других к критике утопического сознания, пояснению его несовместимости с сознанием религиозным. Если христианство в несовершенном обществе созидает совершенного человека (религиозно-нравственного), то утописты призывают из несовершенных людей построить совершенное общество.

В.С. Соловьев, размышляя о призвании России, разрабатывал учение о теократии, где в земной жизни человечества соединяются в гармоничном единстве церковь, общество, государство. Основанная на вселенской церкви (объединение всех трех направлений в христианстве) теократия устранит все религиозные и государственные противоречия, т. е. источник зла. Однако столкновение с действительностью при попытках внедрить идеи вселенской церкви в жизнь заставили философа разочароваться в теократической утопии, и он написал такие слова:

И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

В «Краткой повести об Антихристе» и философском диалоге «Три разговора» В.С. Соловьев сообщает о пришествии Антихриста и страшном последнем Суде Божьем. Эсхатологично понимание прогресса и у Н.А. Бердяева. Оно включает в себя две возможности — «или царство Божье на земле», или царство Антихристово. Чаяния самого Бердяева связаны с первой возможностью религиозного определения «судеб истории». Теократия, замена государства церковью — это и есть осуществление прогресса [7]. Эсхатологические настроения были и у других религиозных философов — К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова, С.Н. Булгакова.

Оптимистическую утопию разработал автор философии «общего дела» Н.Ф. Федоров (идеями которого о «воскрешении отцов» увлекался Н.А. Бердяев). Он видел «общее дело» всех людей в борьбе с главным и единственно всеобщим врагом — смертью — ради достижения личного бессмертия каждым человеком, он считал сыновним долгом воскрешение своих отцов. Н.Ф. Федоров исходил из призна-

ния возможности регулировать стихийный ход событий, включая эволюцию, преобразование природы, опираясь на достижения научно-технического прогресса. Это было учение проектно-утопического мышления, которому присущи: критичность как умение видеть уязвимые места действительности и изъяны человеческой природы; проективность как умение найти способы преодоления недостатков, создания нового человека, лишённого пороков и страстей; идеалистичность как стремление утвердить разработанную модель над реальностью; креативность как способность к приращению качественно новой информации. Видимо, эти черты проектно-утопического мышления позволили С.Н. Булгакову и Н.А. Бердяеву подметить близость двух утопий: К. Маркса и Н.Ф. Федорова. И тот и другой — рациональные конструктивисты, хотя их взгляды относились к разным видам проективизма.

В последнее время широко обсуждается трансгуманистический проект «Аватар» общественного движения «Россия 2045». Это проект по созданию постчеловека: проектирование человеческой телесности, мозга и психики, выходящих за пределы природных ограничений. При этом манифест движения декларирует устремленность к бессмертию, в космос в качестве одной из характеристик будущего человека [8]. Эта тема вытекает из утопии Н.Ф. Федорова.

В настоящее время есть и наука о бессмертии — иммортология, которую тоже можно считать научным продолжением философии «общего дела».

Вообще, если говорить о постоянных отличительных чертах русской мысли, то это определено ее связь с религией, именно с православным мирозерцанием. В.В. Зеньковский отмечал: «Русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой». Ему вторит Н.О. Лосский: «Все развитие русской философии нацелено на истолкование мира в духе христианства». Стремление рассматривать христианство как философию делает вполне обоснованным определение ее как религиозной философии. Объясняя эту особенность отечественной мысли, ряд авторов указывают, что с самого ее зарождения постановка философских проблем происходила в рамках религиозного и эстетического сознания (Илларион, Ф. Грек, А. Рублев и другие). Религиозное направление в русской философии всегда было ведущим и оставалось им даже когда возникли и материалистические течения (М.В. Ломоносов, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев).

В развитии религиозно ориентированной мысли важную роль сыграл пришедший из Византии исихазм (Сергий Радонежский, Нил Сорский и другие), который в начале XX в. стимулировал такое направление в богословии, как «имяславие», а на его базе выросла

«философия имени» (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, В.Ф. Эрн). С «философией имени» связана проблема языка, знака у Г. Шпета [9], например, его идеи семиотики как науки. Философы первой половины XX в. занимались понятийной структурой языка философии. И это особенно важно в рамках лингвистического поворота в философии XX в.

Однако наиболее своеобразной является русская идеалистическая философия второй половины XIX в. Здесь необходимо прежде всего выделить философские идеи Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, культурологическую концепцию Н.Я. Данилевского, концепцию «византизма» К.Н. Леонтьева и учение «общего дела» Н.Ф. Федорова.

Вершиной же русской идеалистической философии является «философия всеединства» В.С. Соловьева [10], оказавшая громадное влияние на Ф.М. Достоевского. Вместе с ним они становятся подлинными духовными отцами русского религиозно-философского ренессанса. А это уже начало XX в., когда философия перехватывает инициативу у литературы (до этого философия развивалась в литературном контексте), когда учителями жизни становятся не Толстой и Достоевский, а Соловьев, затем Леонтьев, Бердяев и т. д. В это время и появляется религиозный ренессанс. В.В. Зеньковский привел такие подсчеты в своей «Истории русской философии»: из 120 выдающихся русских мыслителей, живших на рубеже XIX–XX вв., лишь 8 могут быть отнесены к числу материалистов. В послеоктябрьский период зарубежной русской философии материалистом назвать некого [11].

В целом религиозный ренессанс представляет собой процесс реабилитации традиционных для русской философии религиозно-культурных ценностей и освобождение ее от влияния идей материализма и атеизма. С социально-политической точки зрения религиозный ренессанс был своеобразным видом реформизма: религиозные философы полагали, что обновление социальной жизни необходимо и возможно, но его следует ждать не от революции, а от внутреннего духовного самообновления человека на основе православной веры. При этом они не отделяли веру от разума, как это произошло на Западе.

Личная судьба выдающихся мыслителей этого периода была трагичной. Было два «философских парохода», на которых уплывали от родных берегов выдворенные философы по личному распоряжению В.И. Ленина. Был и «философский паровоз», на котором покинули Родину П.А. Сорокин и Ф.А. Степун.

Вскоре после высылки из страны философов, историков, писателей А.А. Ахматова напишет:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой [12].

Эмиграция была не их выбором, а революционным насилием над ними. Они не были политическими борцами. На борту парохода у Н.О. Лосского спросили о причинах высылки. Он ответил: «За мою религиозно-философскую идеологию». Значит, «мои противники в тайне признают истинным тезис: сознание определяет бытие, дух господствует над материей...» П.А. Сорокин покинул Родину в сентябре 1922 г. А в октябре этого же года в Берлине в докладе о современном состоянии в России он говорил о том, что коммунистическая идеология не встречает сочувствия у 98–99 % населения страны. В этих условиях у коммунистической бюрократии был один способ сохранить власть — репрессии [13]. Но оказавшись в эмиграции, русские мыслители продолжали любить Россию, ту, которая уже не существовала, но жила в их памяти.

Не все были высланы. Остался П.А. Флоренский («русский Леонардо»), но оказался в лагере на Соловках, там же расстрелян. В день расстрела заключенные стали на колени, почтив память мыслителя. Остался Г.Г. Шпет. Через Луначарского он «вычеркивает» себя из списка «философского парохода», чтобы провозгласить программу создания научной философии в отличие от религиозной. Он критически относился к предреволюционной русской философии, особенно к религиозной (Бердяева он любил называть «Белибердяевым»). Взгляды его менялись, и в 1920-е гг. он писал даже о солидарности с рядом идей В.С. Соловьева и С.Н. Трубецкого. Однако в 1930-х гг. ареста не избежал, в 1937 г. расстрелян. Остался А.Ф. Лосев — «философ имени» и «мифа». Уцелел чудом. Он строил Беломорско-Балтийский канал, что губительно сказалось на его здоровье. От него духовное наследство получили С.С. Аверинцев и В.В. Библихин.

Были и другие интересные идеи в религиозной философии. Так, А.С. Хомяков ввел в русскую мысль понятие «соборности» (такого понятия в западной философии нет), которое стало для нее стержневым. У В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева идея соборности трансформировалась в понятие всеединства, у П.А. Флоренского сведена к коллективизму. У материалистов Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, П.А. Кропоткина она воспринимается как идея солидарности, взаимопомощи. Наиболее точно и лапидарно определил это понятие Н.О. Лосский: «Соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям». У А.С. Хомякова идея соборности имеет смысл в сфере церковной жизни, но она важна и для политической жизни. Свобода без единства ведет к анархии, разделению, размежеванию, утере взаимопонимания. Единство без свободы — это насилие над волей человека. Соборность, трактуемая русскими мыслителями как грядущее единение мира, предвосхитила процесс глобализации.

Визитной карточкой русской философии явился русский космизм. Он определил ее черту — идею цельности, единства человека и космоса. Главное направление мысли Н.Ф. Федорова — соборное единство рода людского, которое не стирает многообразие культур. Каждая неповторима, каждая вносит свой вклад в строительство ноосферы (В.И. Вернадский). И это как бы ответ тем идеологам глобализации, которые готовы подстричь мир под одну цивилизационно-культурную гребенку.

В Серебряный век русской философии были и другие интенции религиозной мысли. Например, Н.О. Лосский еще до революции стал известным в Западной Европе философом благодаря своей концепции интуитивизма. С. Франк был проповедником религиозного пути в осмыслении жизни, сторонником сверхрационального знания. Религиозная мысль этого периода находила выражение и в эстетике, которая была занята осмыслением красоты и гармонии. Для Л.И. Шестова, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Ф.А. Степуна, И.А. Ильина источником размышлений стали писатели и поэты, их религиозные идеи и идеалы.

Все более расширяющийся в наше время тренд философских размышлений связан с попытками найти новые основания и аргументы для союза философии и религии. Такие универсальные фигуры, как П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев, имеют в этом отношении первостепенное значение. Заслуживающими внимания представляются и рассуждения ряда авторов о том, что выход из многочисленных противоречий современного социума лежит на путях диалога науки и религии.

Итак, особенности русской философии и связанные с ними темы обнаруживаются и в современной ситуации, что объясняет их актуальность. Поэтому полезно и поучительно подключить наше сознание к этому пласту русской культуры, глубже познакомиться с воззрениями мыслителей России, подпитаться их мудростью и самим стать немного мудрее.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зеньковский В.В. *История русской философии*. В 2-х т. Т. 2. Ростов-на-Дону, Феникс, 2004, 321 с.
- [2] Бердяев Н.А. *Русская идея*. Санкт-Петербург, Москва, АСТ, 2012, 120 с.
- [3] Леонтьев К.Н. *Восток, Россия и славянство*. Москва, Республика, 1996, 507 с.
- [4] Бердяев Н.А. *Судьба России*. Москва, АСТ, 2010, 185 с.
- [5] Дискуссия о русской философии. *Вопросы философии*, 2015, № 5, с. 69–99.
- [6] Герасимов Н.И. М.А. Бакунин и философия русского зарубежья. *Философские науки*, 2014, № 7, с. 103–112.
- [7] Жукова О.А. Философия новой духовности: творческий манифест Николая Бердяева. *Философские науки*, 2014, № 4, с. 37–51.

- [8] Нестеров А.Ю. Трансгуманистические проекты: новации и риски (круглый стол в Институте философии в октябре 2013 г.). *Человек*, 2014, № 2, с. 181–184.
- [9] Шпет Г.Г. *Мысль и слово*. Москва, РОССПЕН, 2005, 688 с.
- [10] Соловьев В.С. *Оправдание добра*. Москва, Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012, 656 с.
- [11] Зеньковский В.В. *История русской философии*. Москва, Академический Проект, Раритет, 2001, 880 с.
- [12] Ахматова А.А. *Стихотворения и поэмы*. Ленинград, Советский писатель, 1976, 558 с.
- [13] Половинкин С.М. Возвращение «философского парохода». *Философские науки*, 2012, № 12, с. 118–130.

Статья поступила в редакцию 25.12.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Спирина А.Г. Особенности русской философии перед лицом социальных вызовов современности. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 1.

URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/334.html>

Спирина Альбина Георгиевна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия и политология» Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов — русская философия. e-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

Features of Russian philosophy in the face of social challenges of our time

© A.G. Spirina

Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch,
Kaluga, 248000, Russia

This article discusses key features of Russian philosophical thought of XIX–XX centuries. It is shown that Russian philosophy is religious, has a tendency to anthropology and to creation of utopias, as well as to consideration of matters relating to the search of Russia's place in the world community. It is demonstrated that it meets demand in modern Russian political realities.

Keywords: *Russian philosophy, philosophy of history, anthropocentrism, utopia, theology.*

REFERENCES

- [1] Zenkovsky V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. In 2 vols. Vol. 2. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2004, 321 p.
- [2] Berdyaev N.A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. Saint Petersburg, Moscow, AST Publ., 2012, 120 p.
- [3] Leontyev K.N. *Vostok, Rossiya i slavyanstvo* [East, Russia and Slavdom]. Moscow, Republic Publ., 1996, 507 p.
- [4] Berdyaev N.A. *Sudba Rossii* [Destiny of Russia]. Moscow, AST Publ., 2010, 185 p.
- [5] Diskussiya o russkoy filosofii [Discussion on Russian philosophy]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2015, no. 5, pp. 69–99.
- [6] Gerasimov N.I. *Filosofskie nauki — Philosophical sciences*, 2014, no. 7, pp. 103–112.
- [7] Zhukova O.A. *Filosofskie nauki — Philosophical sciences*, 2014, no. 4, pp. 37–51.
- [8] Nesterov A.Yu. *Chelovek — Human*, 2014, no. 2, pp. 181–184.
- [9] Shpet G.G. *Mysl i slovo* [Thought and speech]. Moscow, POSSPEN Publ., 2005, 688 p.
- [10] Solovyov V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Moscow, Institute of Russian civilization, Algorithm Publ., 2012, 656 p.
- [11] Zenkovsky V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. Moscow, Academic Project, Raritet Publ., 2001, 321 p.
- [12] Akhmatova A.A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry and poems]. Leningrad, Soviet writer, 1976, 558 p.
- [13] Polovinkin S.M. *Filosofskie nauki — Philosophical sciences*, 2012, no. 12, pp. 118–130.

Spirina A.G., Ph.D., Assoc. professor of the department “Philosophy and political science” at Kaluga Branch of Bauman Moscow State Technical University. Academic interests include Russian philosophy. e-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru